

Александра Старфелл

Глам
местки

18+

Alexandra Starfell

Пламя мести

<https://litres.ru/74280723>

SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, месть - это блюдо, которое подают холодным. Но внутри Эринии Блэквуд полыхает настоящий пожар.

Академия Хартвен не воспитывает героев — она создает инструменты. Эриния Блэквуд была их лучшим учеником: идеальное оружие, отточенное годами тренировок и лишённое жалости. После выпуска она живет лишь одной целью — вершить правосудие для тех, чей голос был насильно заглушен. Но цена этой справедливости слишком высока: месть, словно неугасающее пламя, выжигает её изнутри, оставляя на месте души лишь пепел.

Спустя годы она возвращается в родной город, чтобы вернуть долги тем, кто разрушил её жизнь.

Но очередное задание идет не по плану: Эриния натывается на информацию, которая ставит под удар верхушку власти. На неё объявлена охота, но те, кто отдал приказ, совершили роковую ошибку. Они забыли, кого именно они создали. И на пути к своей цели Эриния не остановится ни перед чем.

Содержание

Посвящение	4
Приложение	5
Глава 1	10
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Alexandra Starfell

Пламя мести

Посвящение

Посвящается всем девушкам, которые однажды оказались в безвыходной тьме.

Тем, кто думал, что больше не сможет подняться. Но всё же нашли в своих сердцах огонь и засияли ярче своей тьмы.

Приложение

Дорелия – небольшое, но процветающее королевство, расположенное на берегу моря Элириан. Страна славится своим мягким климатом, живописными пейзажами и богатой историей. Она сочетает в себе дух старой Европы и черты современного мира – с его технологиями, активной политической жизнью и культурным многообразием.

Форма правления: монархия.

Глава государства: король Элизар II Ардэм Сельварон.

Наследный принц: Дариус Рейлан Феникс Сельварон – популярный лидер нового поколения, известный своими прогрессивными взглядами и любовью к народу и своему королевству.

Принцесса: Лиара Мейриэль Сельварон

Исторический очерк

Дорелия возникла в средние века как крепость на пересечении морских путей и горных троп. Первые поселенцы строили форты и рыбацкие деревни вдоль побережья, а торговцы и ремесленники осваивали внутренние территории. В эпоху Возрождения королевство расцвело как центр искусств, науки и торговли. Города росли и строились университеты и мастерские. Многие архитектурные памятники того времени сохранились до сих пор. В XIX веке До-

релия пережила волну индустриализации. Были проложены железные дороги, развивалась горная промышленность и морская торговля. Сейчас она известная своим высоким уровнем жизни, стабильной экономикой и активной международной политикой.

Символы государства:

Флаг: Глубокий синий фон – символ моря и стабильности. В центре – золотое солнце с лучами морских звезд, знак энергии и прогресса. Серебристая волнистая линия – олицетворение экологии и моря. В левом верхнем углу – минималистичный королевский герб.

Герб: Верхняя часть щита – серебристые горы. Нижняя – синие волны моря Элириан. В центре – водяной феникс, мифическая птица с переливчатыми сине-бирюзовыми перьями и голубым пламенем. Он символизирует возрождение, силу и гармонию стихий. Над щитом – современная серебряная корона с элементами в виде капель воды и кристаллов.

Девиз Дорелии: «Свет, Сила, Единство».

Города Дорелии:

Солмер(столица) – сердце Дорелии. Здесь расположены Королевский дворец, Парламент, старейшие университеты и крупнейшие центры страны. Город отличается гармоничным сочетанием истории и современности. Узкие улочки Старого города соседствуют с футуристическими квартами деловых

центров. Здесь проходят главные государственные праздники, международные саммиты и культурные фестивали.

Келсфор – старинный город на севере страны. Келсфор стоит у подножия горной гряды, его окружает лес и скалистые ущелья. Основу экономики составляет горнодобывающая промышленность, металлургия и традиционные ремесла: кузнечное дело, гончарство, резьба по камню. Зимой Келсфор превращается в туристический центр – сюда приезжают на горнолыжный отдых и фестивали народных промыслов. В городе население небольшое из-за плохой погоды, в Келсфоре почти всегда пасмурно. Большая часть города, ближе к горам, пустует из-за опасности для жителей.

Нотберг – южный курортный город на побережье Элириан. Нотберг – любимое место отдыха как местных жителей, так и для туристов со всего мира. Здесь протянулись широкие пляжи, работают роскошные спа-комплексы и яхт-клубы. Вечерами на бульваре играет живая музыка и в каждом ресторане можно попробовать свежайшие морепродукты. Особой популярностью пользуется День Элириана – национальный праздник с парадами, фейерверками и морскими регатами.

Вальден – Город лесов и озер, настоящий оазис в центре страны. Вальден окружен густыми сосновыми и березовыми лесами, а вокруг раскинулись чистейшие озера. Здесь развит экологический туризм, популярны походы, рыбалка, наблюдение за птицами. Местные жители гордятся своим береж-

ным отношением к природе и качественными натуральными продуктами: медом, сыром, ягодами, фруктами и овощами. Вальден – центр экологических исследований. Здесь расположены учебные заведения, где изучают биологию и природоохранные технологии.

Адрос – промышленный и транспортный центр узел страны, город у границы с соседними государствами. В Адросе сконцентрированы машиностроительные предприятия, склады, логистические компании. Здесь проходят крупные торговые ярмарки, где встречаются производители со всей Европы. Город живет в быстром ритме? Поезда, грузовики, морские контейнеры – неотъемлемая часть его ландшафта.

Ланвуд – главный морской порт Дорелии, расположенный на побережье Элириана. Ланвуд живет морем: рыбацкие рынки, верфи, судостроительные компании, школы мореплавания. Улицы города наполняют запах соли и свежей рыбы. Здесь каждый год проходит знаменитый Фестиваль Моря, который собирает гостей со всей страны и туристов из-за рубежа.

Эмери – культурное сердце Дорелии. Эмери известен своими музеями, театрами и художественными галереями. Город часто становится площадкой для международных фестивалей искусства, музыкальных конкурсов и литературных чтений. В архитектуре Эмери сохранилось множество зданий времен средневековья и эпохи Возрождения: старинные соборы, площади, узкие улочки с брусчаткой. Здесь ценят

искусства во всех его проявлениях: от классической музыки до современного перформанса.

Фенбар – самый молодой город Дорелии, центр инноваций и стартапов. Фенбар вырос вокруг технологических паркой и исследовательских институтов. Здесь находятся ведущие компании в области IT, биотехнологий и зеленой энергетики. Фенбар привлекает молодых специалистов и предпринимателей. Конференции, хакатоны, стартап-инкубаторы – неотъемлемая часть жизни Фенбара.

Глава 1

“Вернуться – значит снова пройти через пепел.
Даже если ты уже однажды в нем сгорел.”

Аэропорты – это место, где реальность замирала на вдохе. Междумирье. Пауза между «было» и «стало». Здесь не жили – только двигались. Спешили, курили с дрожащими пальцами у стеклянных перегородок, обнимались слишком быстро и прощались так, будто увидят друг друга уже в другой жизни. Как будто это не прощание, а приговор.

Аэропорты пахнут кофе, дорогим пластиком чемоданов, духами, табаком и усталостью. Здесь нет времени. Только ожидание. Только путь. Только ощущение, что ты не здесь. Ни там, ни тут.

И мне всегда это нравилось.

Я любила быть в дороге. Быть ничьей. Не принадлежать ни городу, ни дому, ни человеку. Быть свободной. Когда ты в небе – ты вне всего. Там нет имен, нет прошлого. Даже боль перестает быть собой – она стирается турбулентностью, размывается в облаках, замирает под давлением высоты. Все чувства растворяются в реве двигателей, и ты будто исчезаешь – становишься тенью, оторванной от земли и себя.

Но этот перелет другой.

Он не в новую страну, не в близкую квартиру с пустыми

стенами и запахом пыли, не к очередной цели. К сожалению.

Он в город, который не отпускал меня, но несмотря на всю боль, которую он причин, я бы никогда не смогла его забыть. Без него я перестала бы быть собой, потеряла бы единственную частицу своей души. Если вычеркнуть его из моей памяти – не останется ничего. Ни боли, ни силы идти вперед, ни цели.

Я не смогла отпустить... как бы меня этого ни приучали. Но у меня не хватило храбрости сделать это, как бы моя душа не умоляла об этом.

И пусть, просыпаясь в холодном поту, с криком в горле и слезами на глазах, я ловила себя на мысли – а что если...?

Нет. Все мое существо – каждый шрам, каждый сгусток боли и каждая тень в груди – цеплялись за это. До крови, до одержимости.

Двери передо мной распахнулись, и ночной воздух хлынул навстречу. Он был плотным, влажным, насквозь пропитанным солью и керосином и чем-то еще, до боли знакомым. С привкусом высоты, камня, железа и холодного ветра, продувающего до костей. Холодного и чистого, как выдох перед прыжком со скалы. Такой запах проникал под кожу, жил в легких. Он не забывается. Он остаётся в тебе, как шрам.

Пахло горами – сухими, суровыми и безмолвными, как и Келсфор – город, в котором я провела столько лет. Этот запах был частью меня. К сожалению...

Ветер ударил резко. Он врезался в лицо, хлестнул по ще-

кам и растрепал волосы. Длинные, тяжелые, рыжие пряди вспыхнули словно пламя, закружились вокруг головы. Плечи черного кожаного пальто мешались у ног, словно темные крылья, придавая шагам вес, но не давая согреться от жгучего ветра. Рядом со мной шагал Кай – большая немецкая овчарка. Ему было уже 9 лет, но несмотря на это он был в хорошем состоянии, ему пророчили еще 2 года как минимум на службе. Он ни на шаг не отходил, двигаясь словно тень, всегда готовый в любой момент кинуться на защиту. Его умные глаза внимательно изучали все вокруг, и он был моей единственной семьей. Кай – последний осколок моей семьи и он знал обо мне больше, чем кто-либо. Он был моим неммым охранником, моим щитом, моей силой и моим другом... В правой руке же я везла за собой небольшой чемодан, с обитыми углами и почти бесшумными колесами.

Я стояла на пороге бетонной площадки, одинокая тень на фоне огней взлетной полосы. Самолет впереди казался каким-то нереальным. Самолет казался живым, он словно дышал и звал. А я не была готова... но продолжала идти. Небольшой, белый, безупречный и холодный. На его борту, ближе к хвосту, тонко, изящно и с безжалостной точностью были выгравированы две буквы.

А. Х.

Академия Хартвен.

Это было печатью, клеймом, символом. Это мое личное проклятие и благословение. Мой единственный дом ад.

Я остановилась чуть дальше от трапа, чтобы в последний раз взглянуть на небо, и подняла голову. Оно было бездонным и черным, как осколки моего сердца. Без звезд. Без луны – сплошная бархатная пустота, в которой редкие проблиски самолётов скользили, как заблудшие искры – чужие маршруты, чужие судьбы, к которым я не принадлежала.

Под ногами холодный металл трапа. Я начала понимать, слыша глухой стук подошв своих ботинок и чемодана. Каждый шаг был не просто движением вперед – от отзывался в теле, как щелчок затвора перед выстрелом. Сдержанно. Холодно. Неотвратно.

У прохода стояли двое. Они заметили Кая и сразу насторожились – их взгляды цеплялись за него с внутренней тревогой. Он и вправду выглядел грозно: сильный, внушительный, с видом, будто сейчас готов вцепиться в глотку кого-угодно. Я не осуждала их за страх перед ним. Кай и не пытался выглядеть дружелюбным – он знал, каково это быть оружием.

Тем не менее, они сделали попытку сохранить лицо.

– Добрый вечер, Лейтенант, – первой заговорила девушка с мягкой улыбкой. На бейджике – Хэйли.

– Рады приветствовать вас на борту – добавил второй, чуть старше, с безупречной ровной интонацией. Чад. Он слегка наклонил голову.

– Не беспокойтесь, – бросила я, – он не тронет вас... пока вы не разозлите его.

Холодная усмешка скользнула по моим губам. Хэйли и Чад быстро обменялись взглядами.

– Подготовка завершена. Взлет через двадцать минут, – произнес Чад.

Я коротко кивнула им и шагнула внутрь, не задержав на них взгляда. Кай беззвучно двинулся следом.

Салон встретил меня привычной тишиной и роскошью, в которой не было ни излишества, ни теплоты. Мягкий свет скользил по кремовой коже кресел, по гладкому дереву с темным, почти чернильным отливом. Здесь все было выверено до мелочей, до тишины – стерильно, безукоризненно чисто, тихо и холодно. Здесь не было жизни – только контроль.

Я прошла вперед и остановилась лишь у своего места, у иллюминатора. Кай запрыгнул на соседнее кресло. Он улегся, продолжая следить за обстановкой. Его присутствие слегка отбрасывало тень тепла на стерильный холод интерьера, словно напоминание, что я не одна – даже здесь.

Не оборачиваясь, сбросила с себя пальто и протянула его Хэйли, которая бесшумно следовала за мной и сейчас стояла рядом.

– Держи.

Она молча взяла пальто, сохранив прежнюю улыбкой, и исчезла из салона.

Я поставила чемодан на пол, откинула крышку – щелчок, и вытащила ноутбук, который лежал на поверхности. Закрыв

чемодан, я положила ноутбук на столик перед креслами.

– Убери, – коротко бросила я Чаду, даже не взглянув на него.

Он взял чемодан без единого лишнего звука и сразу поднял его в багажный отсек, а потом вышел из салона.

Спустя несколько минут вновь подошла Хэйли. Она пыталась быть тихой и осторожной.

– Может, вам принести что-то?

– Воды, – произнесла я, не отрываясь от текста.

Она исчезла и спустя некоторое время появилась со стаканом воды, который она поставила на столик передо мной.

– Спасибо, – коротко, почти механически произнесла я.

Я взяла стакан воды, и взгляд невольно скользнул к Каю. Он лежал, слегка положив морду на подлокотник, наблюдая за мной и за всем, что окружало. Глаза спокойные и острые, но в них не было угрозы, лишь бессловесная преданность.

Я протянула руку и провела пальцами по его шерсти, он не пошевелился, только слегка прищурился. В его взгляде было все: защита, любовь и вечное «я рядом».

Взлет прошел спокойно. Я чувствовала, как металл под ногами оживает, вздрагивает, будто собирается с силами перед прыжком. Салом слегка начал вибрировать, двигатель постепенно наращивал мощность, и мир за иллюминатором начал медленно сползать вниз. Огни взлетной полосы остались позади, растворились в ночи. Самолет уверенно набирал высоту, и внутри меня появилось это странное чувство.

Десятки раз уже, но все равно каждый взлет внутри что-то цепляет. Нет, не страх. Что-то другое. Щемящее, похожее на тоску. Как будто в этот момент ты снова ускользаешь – от себя, от прошлого, от земли. От боли.

На миг я прикрыла глаза.

Там, внизу, остался Келсфор – город боли, крови и силы. Я пробыла в городе меньше двух суток. Только вернулась с предыдущего задания. Месяц в Нью-Йорке, среди чужих лиц, был вроде бы глотком свежего воздуха, если бы не само задание. К счастью, все не затянулось на еще несколько недель, как планировалось изначально. Я той же ночью вернулась в Келсфор, чтобы лично доложить о желании взять перерыв хотя бы на две недели, как дали другое поручение. Я не успела толком выспаться и отдохнуть. И вот снова – воздух, дорога, другой город. Слишком быстро. Слишком рано.

В какой-то момент самолет резко встряхнуло. Не сильно – всего пару рывков, как будто гигант схватил корпус за крыло и коротко встряхнул. Турбулентность.

Каю это не понравилось. Он сразу приподнял голову, дернул ухом, но не залаял – только зарычал в сторону иллюминатора, недовольно.

Я лишь усмехнулась.

– Все хорошо, – тихо, почти шепотом, сказала ему.

Он взглянул на меня, будто не уверен, вру ли я, но все же лег, положив морду на подлокотник.

Меня такое уже не пугало, лишь веселила перспектива

пролететь вниз.

Бывали моменты и похуже. Когда обшивка гудела так, что казалось — ты вот-вот сорвешься в небо в свободном падении. Когда молишься уже не о спасении, а о том, чтобы смерть была быстрой. Это? Это как покачивание лодки на волне. Почти уютно. Бросит — так бросит. Главное, чтобы не на скалы.

На третьем курсе нас неделю выкидывали из вертолетов и несколько раз даже из самолетов. Парашюты, конечно, были... в теории. Иногда срабатывали не у всех — у одного не раскрылся, у другого стропы перепутались. А чаще нас специально выбрасывали группами, и у одного, а то и у двоих — «случайно» был неисправный купол. Учись, как хочешь, тащи напарника, импровизируй. Работа в команде, черт возьми. Педагогика у наших наставников была... своеобразная. Уроки через падения. Через крики. Через тишину, в которой слышно, как звучит сердце.

Но хуже всего были не сломанные парашюты, а рабочие... с заедающими замками. С этими ржавыми застёжками, которые не раскрывались, пока ты не увидишь лица деревьев. Все по очереди проклинали снаряжение, инструкторов, небо и землю. Даже родную мать — до тех пор, пока чудом не дернешь в последний миг и не рванет вверх. Адреналин обеспечен, спасибо, Хартвен.

Было страшно. Всегда. Не только в небе, не только в те секунды, когда земля приближается слишком быстро. Страх

был частью распорядка, частью программы, и уже частью нас. Его не подавляли – им учили дышать. Он появлялся в голосах инструкторов, в скрежете дверей, в белом свете комнат, где никто не говорил вслух, зачем ты там. Нас учили не просто выживать – адаптироваться. Не просто терпеть – принимать. Со временем ты переставал различать, где заканчивается тренировка и начинается ты сам.

Сначала ты пытаешься сопротивляться, но потом привыкаешь. Ты привыкаешь ко всему. К тревоге, к боли, к тому, что кто-то рядом не встанет после падения. К безразличию, к тишине. Сначала – поневоле. Потом – потому что иначе не выжить. И тогда приходит осознание, холодное и безжалостное – спасения не будет. Ты не становишься бесстрашным. Ты просто перестаешь ждать спасения.

Потому что в Хартвене его не предусмотрено.

Я моргнула, словно проснулась. Салон вернулся – со своим белым светом и тишиной. Кай будто почувствовав перемену в моем настроении, ткнул меня носом под локоть, а потом, не спрашивая разрешения, тяжело запрыгнул и улегся прямо на мне, закинув лапы мне на плечи.

– Ты серьезно? – фыркнула я, покосившись на него, – ты вешишь, между прочим, немало, великан.

Он лишь довольно фыркнул в ответ, устраиваясь поудобнее, будто именно тут – его законное место. Я вздохнула, но не прогнала. Его тепло расползлось по ногам, тяжело, но почему-то успокаивающе – как будто он своим весом якорил

меня в настоящем, не давая мыслям ускользнуть куда-то в прошлое.

Я посмотрела в иллюминатор. Под ногами – чернильная темнота. Только где-то впереди, вдалеке, начал мерцать свет – берег. Город. Сначала тонкая линия огней, потом россыпь. Ближе. Еще ближе. Стало видно море – большое, черное, бескрайнее. Оно блестело под редкими отблесками ламп, как ртуть, как живая ткань. Я сразу узнала его. Сердце сжалось.

Я словно наяву ощутила запах моря. Оно пахло солью, ветром и чем-то, что всегда возвращало меня к себе – как шрам, как запах старой крови, как имя, которое боишься произносить вслух.

Посадка началась мягко. Но каждая секунда приближения чувствовалась внутри, как тягучая нота. Я вглядывалась в ночь и ловила себя на мысли, что не готова... и все же была уже слишком далеко, чтобы повернуть.

Шасси коснулись земли с коротким толчком, и самолет чуть замедлился. Кай не шелохнулся. А я просто сидела и смотрела, как с каждой секундой становилась ближе к своему кошмару.

Глава 2

“Призраки не всегда приходят ночью.
Иногда они встречаются тебя у выхода из аэропорта.
Шепчут из витрин, смотрят из чужих глаз.”

Остановившись перед выходом из зоны контроля, я поняла – весь мой план летит к чертям. Взять себя в руки и побороть дрожь во всем теле? Нет. Мое тело – предатель, а сердце ненужный орган, который только и делал, что подставлял меня. Его будто сжали в кулаке, сбивая с ритма. Но я попыталась взять себя в руки. Шаг за шагом я двигалась вперед.

Кай тихо ступал рядом, неотрывно следуя за мной, как всегда.

Но не только мое тело предало меня, все вокруг – стало чужим. Воздух сгущался, становился вязким. Я едва могла вздохнуть. Звуки – шаги, объявления перешептывания – отдавались, словно я смотрела на все это сквозь толщу воды. Сквозь прошлое. Я превратилась в статую. Прочную, внешне неуязвимую, но все же внутри все горело.

Запах знакомых духов – пахнувших домом, морем – стал таким явственным, что от боли защемило в груди. Аэропорт оказался не просто воротами в город – это место, где прошлое столкнулось с настоящим.

Я не была здесь с того самого дня, но все же все казалось

родным. Просторные залы с огромными окнами, через которое заливалось солнце, заставляли сердце замирать от волнения. Несмотря на поздний час в зале все еще были люди – кто-то ждал пересадку кто-то дремал на креслах кто-то обнимался на прощание. Запах кофе, гул голосов, объявление рейсов – все это сливалось в фоновый шум, но в голове звучало лишь эхо старых воспоминаний.

Маленькая рыжая девочка бегала по аэропорту, пытаясь увидеть все и сразу, а родители смотрели на нее с теплой улыбкой. И вот малышка, увидев, магазинчик, подбежала к родителям, чтобы за руки тащить туда, куда они и направились все вместе. В магазинчике было много разных украшений, но родители мягко направили ее к витрине в самом незаметном углу. Они пояснили, что тут можно было найти что-то уникальное: красивые украшения из жемчуга и изделия известных мастеров, которые символизировали Нотберг. Девочка выбрала какой-то кулончик с зеленым жемчугом, а отец с улыбкой сказал, что он напоминает цвет их глаз, на что женщина коснулась его руки.

Воспоминание потускнело и, одинокая слеза скатилась по щеке – неожиданная, незнакомая. Это чувство, предательски теплое и одновременно разрывающее грудь, было мне чуждо и давно забытым. Я быстро смахнула слезу, но внутри уже не могла отрицать: прошлое догнало меня – как бы я далеко ни пыталась убежать. Оно все еще держало меня за горло.

Теплая морда коснулась моей ладони, – легкое прикосно-

вание, как будто он знал: еще немного, и я снова утону. Я посмотрела на него. Его глаза – глубокие, внимательные – будто говорили: «ты справишься. Я рядом.»

Я глубоко вдохнула. Воздух был таким же вязким, но теперь я могла дышать. Шагнула вперед – медленно, но с каждым шагом увереннее.

Стеклянные двери с тихим шипением разъехались в стороны, выпуская меня наружу. Шаг – и я вышла в другой мир – более четкий, более громкий и более настоящий. На улице царила глубокая ночь. Над головой висело низкое небо, затянутое облаками, и только свет уличных фонарей придавал предметам форму. Воздух был прохладным и влажным – с ноткой сырости, как бывает после полуночного дождя. Свежий морской бриз обнял меня, напомнив о теплоте и доме. Аэропорт в это время казался особенно пустым, как будто город дышал тише.

Черный седан, безупречно вымытый, с зеркальной поверхностью, в которой отражались стеклянные стены аэропорта и свет от ближайшего фонаря отражался на капоте машины. Фары у машины были включены, заливая асфальт мягким, белым светом. Он стоял прямо у самого выхода, буквально в трех метрах от двери, хотя здесь, по правилам, машины не пускали. Остальные автомобили же томились в отдалении, за линией ограждения, а этот ждал здесь, не подчиняясь правилам. Его очертания выделялись особенно резко на фоне ночной пустоты.

Дверца водителя открылась, и из машины вышел мужчина. Высокий, подтянутый, в классическом черном костюме, в белоснежной рубашке с идеально завязанным галстуком. На носу – темные очки, лицо безэмоциональное. Он подошел ко мне спокойным, точным шагом, окинул меня быстрым взглядом и вежливо кивнул.

– Добро пожаловать, Лейтенант.

Хартвен, видимо, решил побаловать меня столько редкой роскошью – выделил водителя. Неужели из-за прерванного отпуска? Вряд ли, но это не помешает мне насладиться отдыхом, ведь обычно я сама боролась с хаосом транспорта.

А потом сделала шаг, еще одни, и села. Он взял чемодан из моей руки без лишних движений и обошел машину, открыв заднюю дверцу. Кай, как ни в чем ни бывало, первым запрыгнул внутрь и сразу устроился на сиденье. Я задержалась на секунду, бросив последний взгляд на аэропорт.

Дверь мягко захлопнулась, отрезая меня от всего, что осталось позади.

Нотберг – город, в котором время словно играло в прятки. Современность здесь не вытесняла прошлое, а жила с ним бок о бок: узкие улочки древнего квартала переплетались с сиянием стеклянных небоскрёбов, создавая неповторимый узор. Я смотрела в окно машины и чувствовала, как воспоминания всплывали одно за другим, будто город сам шептал их мне, боясь, что я забыла.

Нотберг стоял на берегу моря Элирин, и я помнила, как в

детстве мне не раз рассказывали, что это море никогда не бывает одинаковым. Оно менялось каждую минуту, как и сам город.

Следом в памяти всплыла Фелорейн, силуэт которой я увидела между домами и невольно задержала взгляд. Она все такая же – огромная жемчужина, застывшая между небом и морем. В голове сразу всплыло воспоминание, как днем она сверкала ослепительным белым, будто вобрала в себя весь солнечный свет, а к вечеру становилась золотистой, отражая закат. Сейчас же она отражала свет фонарей, но была не менее прекрасна.

– Фелорейн отражает море, небо и город – все, что делает Нотберг живым, – в голове прозвучал мягкий мужской голос, который был настолько отчетливым, словно он был рядом.

Сквозь открытое окно теплый, наполненный солью и чем-то родным, воздух заполнял салон. Даже воздух был таким же, каким я его оставила... Лето всегда приносило с собой этот бриз – легкий, свежий, пахнущий морем и солнцем. А зимой воздух становился прохладнее, но не терял своей мягкости.

Машина медленно двигалась по пустынным улицам, и я не могла отвести взгляда. Все было до боли знакомо, и все же казалось чужим – словно сон, в который вернулась слишком поздно.

Шумные рынки спали под закрытыми навесами, тусклые

витрины отражали неон редких вывесок, а уличные фонари бросали длинные тени. Откуда-то доносилась музыка – глухая, словно из-под земли, обрывки мелодии и шагов эхом отдавались в узких переулках.

Мы проезжали творческий порт, окутанные туманом и светом редких фонарей. Я вспомнила воскресные прогулки. Днем здесь всегда были художники – одни раскладывали картины прямо на мостовой, другие рисовали портреты прохожих. Как-то раз пожилой художник сказал мне, девятилетней девочке, что настоящий город – тот, который вдохновляет. Он нарисовал меня тогда – маленькую девочку, стоящую у моря. Отец купил тот рисунок и сказал, что этот город никогда не отпускает своих.

Я вновь увидела море. Оно было темным, почти чернильным. Волны медленно накатывали на берег, блестя в свете луны и редких фар. Вместо солнечных бликов – серебряная дрожь воды, и все выглядело так, будто море тоже помнило. Я

От переизбытка чувств становилось труднее дышать, каждый вдох давался трудом. Воспоминания стали тяжелыми, как влажный песок на плечах. Я закрыла глаза, в надежде дать себе передышку. И остаток пути я проехала вслепую.

Наконец, машина плавно остановилась, и я медленно открыла глаза.

Несмотря на то, что было уже далеко за полночь, тишина здесь была не пугающей, а размеренной. Элитный жилой

комплекс стоял, словно выточенный из стекла и стали монолит, упрятанный среди деревьев. Фасады подсвечивались встроенными светильниками, в окнах кое-где теплился свет.

Я открыла дверь и вышла, и ночной воздух ударил в лицо. Позади меня из машины прыгнул Кай. Его лапы мягко коснулись асфальта, он тут же встал рядом и начал внимательно осматривать округу, проверяя, в безопасности ли мы.

Водитель уже обходил авто, держа в руках мой чемодан. Он поставил его рядом со мной, а сам выпрямился и произнес:

– Лейтенант, это ваше временное место проживания. Дальнейшие указания поступят чуть позже.

Я молча кивнула. Он протянул мне ключи – металлический брелок с выгравированной цифрой «237».

– Ваши апартаменты на одиннадцатом этаже, – уточнил он и добавил, – там же вы найдете ключи от машины, которая ждет вас на охраняемой стоянке комплекса.

– Благодарю, – ответила я, и он кивнул в знак прощания. Кай чуть придвинулся ближе, и мы вместе направились к входу в здание.

У подъезда нас встретил консьерж – низкий мужчина в сером костюме, он вежливо кивнул и открыл стеклянную дверь.

– Доброй ночи, мисс, – сказал он сдержанно и спокойно. Я кивнула и вошла внутрь. Вестибюль был просторным и тихим, мягкое освещение подчеркивало лаконичный инте-

рьер. Лифт с мягким звуком подхватил нас и плавно начал подниматься.

На своем этаже я вышла из лифта и подошла к двери с номером «237». Вставив ключ-карту в замок, услышала привычное щелканье, и дверь открылась. Как только я переступила порог, в квартире автоматически включился свет – мягкий, теплый, который наполнил комнату светом и спокойствием.

Квартира оказалась светлой, современной и безупречно новой. Просторная гостиная с большими окнами, через которые ночной свет мягко проникал внутрь. По обе стороны от гостиной располагались две остальные комнаты – две спальни.

Кай тут же ринулся осматривать территорию. Он внимательно обнюхал каждый угол, проверил под мебель. И с любопытством заглянул во все комнаты, словно отмечая каждую деталь. Как только Кай окончил осмотр, и я прошла в одну из спален, которая была ближе всего.

Я оставила чемодан посреди комнаты. Сняв пальто и ботинки, не обращая внимания на холодный пол, я почти без сил рухнула на кровать в той же одежде.

Усталость, скопившаяся столько времени, обрушилась на меня с невероятной силой. Тело словно перестало слушаться, а разум медленно погружался в долгожданное забвение.

У каждого из нас есть призраки прошлого – тени, которые

следуют за нами, каким бы долгим не был путь вперед. Их нельзя спрятать, нельзя стереть, сколько ни пытайся.

Моими призраками стали воспоминания. Они не меркли, не рассеивались, а наоборот, с каждым годом становились ярче, словно огни маяка в бескрайней ночи. Иногда мне казалось, что все было бы проще, если бы время стирало эти образы. Если бы боль приглушилась, а прошлое стало лишь расплывчатым силуэтом на горизонте. Но время не стирало. Оно не залечивало, не делало боль тише. Оно лишь вытячивало воспоминания, делая из четче, резче, нанося новые шрамы вместо заживших.

Меня убеждали, что отпустить прошлое просто. Стоит лишь разжать пальцы и позволить ему ускользнуть сквозь них, как вода. Но как отпустить то, что делает тебя тобой? Как похоронить воспоминания, если они последняя ниточка, связывающая тебя с тем, кем ты когда-то был?

Жить с грузом прошлого тяжело, но еще тяжелее – пытаться его забыть. Потому что забвение – это лишь другой способ помнить, только с закрытыми глазами. Иногда, очень редко, мне хотелось верить, что так будет легче. Но в этом самообмане было больше страха, чем облегчения. Страх, что однажды я открою глаза – и не вспомню. Ни их лиц. Ни голосов. Ни себя...

И именно этого в глубине души я боялась больше всего. А когда день подходил к концу, позволяя ненадолго вздохнуть, приходил сон. Один и тот же кошмар, год за годом. Он

преследовал меня упорно, неотступно, зная, что днем мне удастся отвлечься, спрятаться от внутренней боли, но ночью защиты не было. Стоило закрыть глаза – и он возвращался. Это был не просто сон. Это было послание. Вопль из глубин души. Напоминанием о том, где я потеряла себя.

Уютный двухэтажный дом со своим пляжем на заднем дворе. Воздух пропитан соль, и застоявшимися тенями прошлого. Внутри густая тишина такая, что кажется – дотронешься, и она рассыплется. Здесь каждый уголок хранил тайну, каждый шаг отзывался эхом в пустоте.

Но главное – они.

Я всегда видела их.

Счастливых. С мягкими улыбками. С глазами, полными любви. Они ждали меня. Всегда.

– Заходи, милая – родной и мелодичный женский голос.

Они тянулись ко мне, обнимали, кутали в тепло, от которого сжималось все внутри от тоски и отчаяния. А потом они шептали слова.

Слова, которые я ненавидела больше всего.

– Прощание – это не забыть, а позволить себе двигаться вперед с легкостью.

Голос – как шелест волн. Теплый. Родной. И оттого – невыносимый.

– Прости себя, лисичка, – голос мужчины окутывал меня, словно плед в зимнюю ночь. Он пытался укрыть меня от холода, которые уже слишком глубоко въелся под кожу.

Я видела боль в их глазах. Но раз за разом, я отрицательно качала головой. Пыталась сказать, что не согласна. Что я просто не могу. Но слова не выходили. И я задышалась от них Вдох.

Я проснулась.

Реальность встретила меня липкими от слез щеками и пустотой в груди. Дрожь охватила все тело. Я медленно коснулась кольца на шеи. Теплое и живое, будто оно пыталось защитить меня от холода, которые расползлся по телу. За окном ночь все еще цеплялась за небо, не давая рассвету взять над ним вверх.

Рваные вздохи срывались с губ.

Кай резко поднял голову. Он лежал рядом. Я машинально потянулась к нему и провела рукой по густой шерсти.

– Все хорошо, – прошептала я, хотя сама не была уверена в этих словах.

Он еще мгновение, смотрел на меня, изучающе, будто видел боль, а потом опять положил морду на лапы и закрыл глаза. И я легла обратно, уставившись в потолок, пытаюсь утихомирить свое сердце и дыхание.

И позже усталость взяла вверх над моими страхами, унося меня в небытие.

Тук...тук...тук...

Сначала мне показалось, что это просто шум в голове. Все вокруг сливалось в вязкую, мутную тишину, сквозь которую

этот звук пробивался, как капля падающая на металл – размеренно, упорно и раздражающе.

Я перевернулась на другой бок, неразборчиво пробормотав проклятия – то ли в подушку, то ли в никуда – и попыталась снова провалиться в сон. Но не вышло. Он словно держал меня на границу, не давая ни уснуть, ни окончательно проснуться.

Тук...тук...тук...

Голова налилась свинцом. Мысли пытались всплыть, как мертвая рыба в мутной воде – и тонули снова. В висках отдавалась тупая, глухая пульсация. А этот звук... он будто вбивался прямо в череп, выстукивая раздражающий ритм по нервам.

Я поморщилась, зарылась лицом в подушку, прижала ее к уху, надеясь хоть немного заглушить звук. Не помогло. Он только усилился. Более четкий, более назойливый.

Тук...тук...тук...тук...

И тут еще свет...

Он полоснул по глазам. Казалось, кто-то раскаленным лезвием чертит по зрачкам. Я сдавленно застонала, медленно приоткрывая глаза. Все было размытым, но яркость тут же полоснула по зрачкам, и я снова зажмурилась.

С трудом перевернулась на другой бок и прищурилась в сторону, где по моим смутным воспоминаниям должна стоять тумбочка. Электронные цифры на часах светились ярко-синим светом.

06:27.

– Черт возьми... – прохрипела я, голос был осевшим.

Тук...тук...тук... тук!

Стук не прекращался. Он становился злее, упрямее. Удары ускорялись и звенели в голове, как молот по металлу. Я сжала зубы и перевернулась на живот.

ТУК! ТУК! ТУК!

Я тяжело вздохнула, словно вся усталость мира вдруг скопилась в моих легких. Каждое движение давалось с трудом, руки казались ватными, мышцы тянулись, как резина после долгой нагрузки. Грудь понималась тяжело, словно кто-то сжал ее в железных объятиях. А в голове закипала злость – сначала тихая и вязкая, будто ржавчина, медленно разъедала сознание, а потом вспыхнула огнем – резким, холодным, как клинок.

И вдруг тишину разорвал громкий резкий лай. Кай.

Я вздрогнула, словно удар молнии пробежал по позвоночнику, и вдруг сознание вырвалось сквозь туман сна. И тогда осознание вспыхнуло – это был стук. Настойчивый, резкий. Я заставила себя сесть сквозь тяжесть тела.

Холодный пол под босыми ступнями был почти какощечина реальности. Я машинально провела рукой по лицу, встала и быстро подлетела к чемодану, который все еще стоял там, где я его оставила ночью.

Секунда – и я резко расстегнула молнию. Мои пальцы безошибочно нащупали знакомый холодный металл ствольной

коробки. Он был холодным в ладони, но привычно легким. Вся усталость вмиг уступила. Дыхание выровнялось, стало ровным и спокойным, как поверхность озера перед бурей. Глаза сузились.

Я бесшумно вышла из спальни – каждый шаг выверенный, спокойный и уверенный – с пистолетом наготове. Кай лаял и царапал ее, пытаясь прорваться наружу. Едва я приблизилась, он отступил, не отрывая взгляд от двери.

Я подняла пистолет на уровень плеча, направив его прямо вперед. Палец был на спусковом крючке. Сердце билось ровно. Ладонь не дрожала ни на миллиметр.

Одним резким движением я распахнула дверь.

– Добро пожаловать в Нотберг, Эриния Блэквуд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.